

THE GEOSTRATEGIC TRIANGLE OF RUSSIA-INDIA-CHINA AS A DRIVER OF A MULTIPOLAR WORLD ORDER: NEW CONTOURS OF SECURITY AND ECONOMY

Alexander D. Bashkin

Federal Agency for Commonwealth of Independent States Affairs, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo)
Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-7597-8507>

E-mail: bashkin1@mail.ru

ABSTRACT

The Russia-India-China (RIC) geopolitical triangle is examined as a structural element of the emerging multipolar world order, positioned in opposition to the obsolete unipolar model. In the contemporary political configuration, RIC does not represent a formal alliance confronting any specific entity, but rather a flexible and pragmatic formation founded on the principles of sovereignty and the equitable consideration of interests. Two key aspects are highlighted as practical manifestations of this new model: the formation of an inclusive international security architecture based on the principle of "indivisible security," as opposed to NATO's advocated "security for the select few," and the creation of a new framework for international economic relations.

In the economic sphere, the focus is placed on processes of de-dollarization, the development of settlements in national currencies, the establishment of alternative financial institutions (BRICS Pay, New Development Bank), and the development of transport corridors ("North-South", "Economic Belt of the Silk Road"). Western sanctions pressure on Russia has acted as a catalyst for the accelerated construction of a parallel economic ecosystem, resilient to external influence. Analysis of global processes suggests that the RIC triangle has transformed from an instrument of regional interaction into a global driver of the transition towards a cooperative system of international relations based on multilateralism, offering an attractive alternative for the nations of the Global South and East.

KEYWORDS

---

global South; de-dollarization; collective security; international integration; world order; multipolarity; sanctions; sovereignty; BRICS.

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК РОССИЯ-ИНДИЯ-КИТАЙ КАК ДРАЙВЕР МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОУСТРОЙСТВА: НОВЫЕ КОНТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ЭКОНОМИКИ

Башкин Александр Давыдович

Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)

Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-7597-8507>

E-mail: bashkin1@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Геополитический треугольник Россия–Индия–Китай (РИК) рассматривается как структурный элемент формирующегося многополярного миропорядка, противостоящего отживающей однополярной модели. В современной политической конфигурации РИК представляет собой не противостоящий кому-либо формальный альянс, а гибкую прагматичную формацию, основанную на принципах суверенитета и равноправного учета интересов. В качестве практических проявлений новой модели выделяются два ключевых аспекта: формирование инклюзивной архитектуры международной безопасности, основанной на принципе «неделимости безопасности» в противовес исповедуемой НАТО «безопасности для избранных» и создание новой модели экономических отношений.

В экономической сфере акцент сделан на процессах дедолларизации, развитии расчетов в национальных валютах, создании альтернативных финансовых институтов (BRICS Pay, Новый банк развития) и транспортных коридоров («Север–Юг», «Экономический пояс Шелкового пути»). Санкционное давление Запада на Россию стало катализатором ускоренного строительства параллельной экономической экосистемы, устойчивой к внешнему воздействию. Анализ глобальных процессов позволяет считать, что треугольник РИК трансформировался из инструмента регионального взаимодействия в глобальный драйвер перехода к кооперационной системе международных отношений, основанной на многосторонности и предлагающей привлекательную альтернативу для стран Глобального Юга и Востока.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

глобальный Юг; дедолларизация; коллективная безопасность; международная интеграция; мироустройство; многополярность; санкции; суверенитет; БРИКС.

ВВЕДЕНИЕ

Глубокая структурная трансформация современной международной системы очевидна для всех: и тех, кто ожидал ее десятки лет, и тех, кого она отчаянно пугает. Отживающий однополярный миропорядок, основанный на доминирующей роли США и его союзников, все эффективнее оспаривается укрепляющейся полицентричной моделью. Теоретические основы этого перехода уходят корнями в классическую геополитику и критическую теорию международных отношений. Так, американский политолог Кеннет Уолтц, один из основателей неореализма, еще в конце XX века предсказывал, что биполярная система неизбежно сменится многополярной по мере роста могущества новых центров силы (Waltz, 1987). Этот процесс, который он называл «естественным уравниванием» (balancing), мы и наблюдаем сегодня. Однако современная полицентричность отличается от классических моделей многополярности XIX-XX веков. Как справедливо отмечают российские исследователи В.А. Бордачев и В.В. Кольга, «современная многополярность – это не воссоздание концерта великих держав, а формирование системы, в которой множество центров силы обладают возможностью заблокировать нежелательные для себя решения, но вынуждены договариваться для реализации собственных интересов» (Бордачев, Кольга, 2024, с. 15). Эта принципиально новая конфигурация требует и новых форматов взаимодействия, свободных от иерархической логики устаревших блоков.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Вполне вероятно, что определенный период развития цивилизации моноцентричный путь был оправдан и даже необходим, особенно в период после завершения Второй мировой войны, когда множество стран в Северном полушарии были экономически и политически ослаблены, а большинство стран южного полушария вступили в многолетний период деколонизации, что также ограничивало их в возможности являться полноценными субъектами международных правоотношений. Кто-то должен был взять на себя консолидирующую и регулирующую роль в мировой экономике, в налаживании устойчивых экономических и финансовых связей, восстановлении глобальной торговли и рынков. С большой легкостью эту роль на себя взяли отсидевшиеся за океаном Соединенные Штаты Америки. Мнение о том, что аппетит приходит во время еды, справедливо и в геополитике. Войдя в роль мирового организатора, США стали охотно примерять на себя мундир мирового полицейского и мантию мирового судьи. Закат эпохи СССР, который во главе соцлагеря длительно и эффективно сдерживал амбиции созданного США «западного мира», обозначил окончательное формирование и закрепление однополярного мира. Однако, как отмечает американский историк Пол Кеннеди в своем фундаментальном труде «Взлет и падение великих держав», имперское перенапряжение (imperial overstretch) неизбежно ведет к упадку гегемона, вынужденного нести непосильное бремя

глобального лидерства (Kennedy, 1987). Именно это мы и наблюдаем сегодня, когда попытки Вашингтона сохранить однополярность вступают в противоречие с объективными тенденциями мирового развития.

Многое, считающееся когда-то передовым, изживает себя, со временем из паруса превращаясь в якорь. Цивилизация, как и живая природа, развивается по законам эволюции. За последние тридцать лет большинство государств, высокомерно называемых странами «третьего мира», пережили серьезные изменения. При этом трансформации подверглись не только экономика и политическое устройство, но и самосознание их граждан и элит. Общество и лидеры в этих странах все более пристальное внимание стали обращать на крупные государства, имеющие тысячелетнюю историю, традиции, значительные территории, влияние, но при этом не причисляющие себя к западному миру. Этот феномен «возвращения истории», предсказанный Робертом Капланом, проявляется в реанимации традиционных культурных и геополитических ареалов, не вписывающихся в прокрустово ложе либерального интернационализма (Kaplan, 2012).

В этом контексте ключевое значение приобрело возникшее взаимодействие в формате «треугольника» Россия-Индия-Китай, проявляющееся как объединение стратегических игроков, разделяющих общую цель формирования альтернативного формата современного мироустройства, исключающего практику деления государств на ведущих и ведомых, на самостоятельных и зависимых, на повелевающих и подчиняющихся. «К настоящему моменту концепция «стратегического треугольника» успела зарекомендовать себя в качестве перспективного инструмента для анализа взаимоотношений между ведущими державами» (Чжу Сюй, 2023, с.110). Согласимся с мнением индийского дипломата и ученого К.П.С. Менона, который утверждает, что «Азия возвращается к своей исторической норме - сложной системе сдержек и противовесов, где несколько крупных держав сосуществуют без гегемонии одной из них» (Menon, 2021, с.79). Закономерная реакция на попытки Запада изолировать Россию путем санкций и дипломатического давления ускорили поиск Москвой, Дели и Пекином новых моделей сотрудничества.

Исторически сложившиеся дружеские отношения между нашими странами получили новый импульс. В своем выступлении на пленарной сессии XXII ежегодного Международного дискуссионного клуба «Валдай» Президент России В.В. Путин поделился историей зарождения геополитического треугольника. По его словам, необходимость создания новых международных структур возникла из-за стремления решать вопросы иначе, чем это делают западные партнеры. Идея зародилась во время встречи Президента РФ с премьером Индии и председателем КНР в Санкт-Петербурге, что положило начало формату РИК – Россия, Индия, Китай. В своем выступлении В.В. Путин подчеркнул, что успех этой площадки объясняется отсутствием желания участников доминировать и навязывать свои интересы. Этот подход созвучен идеям индийского стратега К. Махбубани, который в своей работе «Has the West Lost It?» утверждает, что будущее глобального

управления лежит в инклюзивности и отказе от двойных стандартов, долгое время навязываемых Западом (Mahbubani, 2018).

Следует обратить особое внимание, что треугольник РИК, инициируя расширение таких институтов, как БРИКС и ШОС, трансформировался из концептуальной модели в практический механизм построения многополярного мира. Его уникальность заключается в том, что он представляет собой не формальный союз, а «стратегическую конфигурацию», основанную на совпадении интересов по ключевым вопросам мировой повестки, что позволяет ему сохранять гибкость и устойчивость перед лицом меняющихся внешних обстоятельств. Как отмечает российский востоковед Алексей Маслов, «Евразия становится не просто географическим понятием, а лабораторией по созданию новых моделей глобального управления, где формат РИК играет роль основного реактора» (Маслов, 2008, с. 23).

ДВА МИРОПОРЯДКА. РАЗЛИЧИЯ КАК ФАКТОР ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Представляет интерес понимание того, каким образом на мировой сцене проявляется противостояние двух непримиримых концепций миропорядка, какими процессами может практически проявить и укоренить себя полицентрический мир и какова в этом движении роль триумvirата РИК?

Ответ на первую часть вопроса легко получить, наблюдая за процессами, происходящими в ряде международных институтов, олицетворяющих коллективный Запад, в частности: ЕС, НАТО и G7. При этом стоит признать, что именно эти противоречивые процессы оставляют все меньше оснований использовать термин «коллективный». Общим в деятельности этих различных по политическому, экономическому и военному функционалу ассоциаций, однозначно, стал нарратив враждебности и противостояния. Этот феномен «кризиса либерального интернационализма» подробно анализируется в работах профессора Джона Икенберри, который, оставаясь апологетом либерального порядка, вынужден констатировать его растущую фрагментацию и утрату легитимности в глазах незападных обществ (Ikenberry, Feng, Jisi, 2015).

При доминировании антироссийской направленности риторики и нормотворчества, обращает на себя внимание, в целом, вектор противостояния, причем нацеленный не только на внешних акторов, но и действующий внутри систем. Весьма демонстративны в этом контексте саммиты НАТО Вильнюс-2023, Вашингтон-2024, запомнившиеся не только жесткой риторикой о «китайской угрозе» и «системном вызове» со стороны России, подтверждающей восприятие альянсом этих стран как стратегических противников, но и утратой общего видения базовых вопросов существования самого альянса, таких как: объемы финансирования, использование собственных вооруженных сил за пределами территории НАТО, прием новых членов и многих других. Растущие разногласия внутри альянса по вопросу о стратегических приоритетах - сдерживании России или сдерживании Китая – создают стратегическую дилемму, которая, по мнению ряда авторов-исследователей, может привести к «стратегическому перенапряжению»

блока, вынужденного одновременно противостоять двум мощным геополитическим конкурентам (Коростелев, 2016; Иванов, 2025).

С каждым годом внутри коллективных западных институтов разногласия и сомнения только нарастают. Все чаще в Евросоюзе срывается принятие требующих консенсусного голосования решений по самому широкому спектру вопросов, от незаконных попыток похитить российские активы до реформы судебной системы. Со времен пандемии Covid-19 остались в памяти перехваты европейцами друг у друга самолетов с медицинскими масками и антивирусными вакцинами. Из недавних примеров показательным стал неожиданный демарш министра обороны Италии Гуидо Крозетто на саммите НАТО Гаага-2025, вообще поставившего под сомнение целесообразность этой организации. По его словам, у Североатлантического альянса больше нет причин для существования. «Раньше США и Европа были центром мира – теперь есть все остальное, с кем должны быть построены отношения», – заявил он. На этом фоне очевиден поразительный контраст содержания и тональности в работе формирований лагеря мирового большинства, в первую очередь, БРИКС или ШОС, и, конечно же, в различных аспектах взаимодействий «треугольника РИК», ставшего гибкой, прагматичной и стратегически важной конфигурацией. При всяком очередном клиническом пароксизме, выраженном в принятии Западом решений, направленных против России и ее стратегических партнеров, взвешенные и эффективные ответные шаги стран РИК и их партнеров, проявляющиеся как в сохранении и расширении экономического взаимодействия, так и в политической, либо ресурсной поддержке друг друга, подчеркивают кризис либерального международного порядка и сопротивление незападных центров силы политике гегемонии.

Неудивительно, что все больше стран во всех частях света отказываются от поддержки западных нарративов по ключевым вопросам мировой повестки. Иллюстрацией этому утверждению служат Резолюции Генассамблеи ООН по Украине (2023-2024 гг.), продемонстрировавшие раскол мирового сообщества, когда значительная часть стран, включая Индию и Китай, не поддержала западные инициативы, что показало пределы мифа об изоляции России. Этот феномен «мягкого балансирования» (soft balancing) против единственной сверхдержавы подробно описан в работах профессора Роберта Папе (Whitaker, 2019), который отмечал, что государства все чаще прибегают к дипломатическим и экономическим инструментам для ограничения гегемонии, избегая прямой военной конфронтации. Российский китаевед Александр Лукьянов дополняет эту концепцию, указывая на феномен «асимметричного сотрудничества» стран Глобального Юга, которые, не вступая в открытую конфронтацию с Западом, создают параллельные институты и правила игры, постепенно подрывающие монополию традиционных центров силы (Аль-Джанаби, Лукьянов, 2021).

Сегодня уже можно уверенно утверждать: однополярная модель более не отражает реальное распределение глобального влияния. В первую очередь это проявляется в снижении возможности западных стран оказывать императивное влияние, а попросту, давить на принятие решений иными государствами. Яркой

иллюстрацией является недавний демонстративный отказ Индии и Бразилии подчиниться американскому шантажу тарифами и вторичными санкциями, направленному на подрывающий их экономическую безопасность уход от российской нефти. Вполне очевидная отповедь на грубую попытку вмешательства в суверенные дела этих государств поставила в неловкое положение не ожидавшего такого поворота американского президента Дональда Трампа.

Концентрируя вышесказанное, можно утверждать, что противостояние двух концепций глобального миропорядка проявляется в первую очередь тем, что привычные механизмы принуждения и экономического подкупа встречают системное противодействие со стороны незападного лагеря. Торгово-экономические и военно-политические союзы в государствах глобального большинства начинают все чаще выстраиваться не по воле стран «золотого миллиарда», а в пользу собственных экономик. Решения принимаются не по команде «мирового начальства», а продиктованы собственными суверенными интересами. Свой путь, с кем торговать и развивать отношения, выбирают не только такие гиганты, как Индия или Китай, но и африканские Мали или Буркина-Фасо. Этот глобальный сдвиг свидетельствует о глубокой трансформации самой природы суверенитета в XXI веке, который перестает быть исключительной привилегией избранных и становится нормой для всех участников международных отношений.

ТРЕУГОЛЬНИК РИК И НОВАЯ МОДЕЛЬ БЕЗОПАСНОСТИ

Восточная мудрость гласит: «Сколько ни говори слово халва – халва, во рту от этого слаще не станет». Действительно, интересно осознать – какая практическая польза помимо политических деклараций от укоренившегося словосочетания «многополярный мир»? Чем эта формула укрепит государства, выбирающие полицентричный путь развития современной цивилизации?

Набирающее обороты геостратегическое взаимодействие «треугольника» Россия-Индия-Китай дает ответ на этот вопрос. Среди широкого спектра бесспорных плюсов, которые прочит набирающий силу миропорядок, особо следует выделить два наиболее актуальных. Речь о новой архитектуре международной безопасности и о формировании нового принципа международных экономических отношений. При этом важно подчеркнуть, что взаимодействие в формате РИК не сводится к простой сумме двусторонних отношений, а порождает синергетический эффект, создавая новое качество геополитической координации.

Ключевой аспект долгожданной смены мирового порядка - формирование новой модели международной безопасности, основанной на принципе «неделимости безопасности», провозглашённом Россией и поддерживаемом рядом стран Глобального Юга. Как подчеркивают исследователи В.Н. Коньшев и А.А. Сергунин, данная концепция стала ответом на модель «безопасности для избранных», исповедуемую НАТО, и представляет собой инклюзивный подход, где решения принимаются с учетом интересов всех участников (Коньшев, Сергунин, 2024). Эта концепция находит отклик и в китайской внешнеполитической доктрине,

в частности, в продвигаемой Пекином идее «сообщества единой судьбы человечества», которая, несмотря на различия в терминологии, схожа в своем стремлении к созданию инклюзивной и равноправной системы глобального управления. Принципиальное отличие нового подхода от старого заключается в отказе от логики «сфер влияния» в пользу логики «сфер взаимодействия», где интересы различных держав не отрицаются, а становятся предметом переговоров и поиска баланса.

В отличие от подхода НАТО, который исторически строился на расширении военного присутствия в ущерб безопасности третьих стран, новая модель предполагает коллективное обсуждение угроз и поиск компромиссов без доминирования одного центра силы. На сессиях Генеральной Ассамблеи ООН в 2023–2025 гг. страны РИК последовательно выступали против милитаризации международных отношений и за укрепление роли ООН как единственного легитимного форума по вопросам международной повестки, включая вопросы глобальной безопасности. Их совместные инициативы по кибербезопасности, противодействию терроризму и контролю над вооружениями демонстрируют практическую реализацию этого подхода, предлагая конкретные механизмы сотрудничества вместо конфронтационной риторики.

Индия, несмотря на участие в квадрате QUAD и сотрудничество с США, сохраняет стратегическую автономию и выступает за диалог между центрами силы. Китай и Россия, в свою очередь, активно продвигают инициативы по созданию региональных механизмов доверия в рамках ШОС и БРИКС. Особое значение в этом аспекте приобретает совместная позиция стран РИК по урегулированию кризисов на Ближнем Востоке, в Африке и Центральной Азии, где традиционное вмешательство Запада неизбежно приводит к дестабилизации. Примером может служить участие России, Китая и Индии в переговорах по урегулированию ситуации в Афганистане и Судане, активное выступление в целях стабилизации обстановки на Ближнем Востоке, выдвижение и поддержка инициатив по нераспространению ядерного оружия. Тройка демонстрирует уникальную способность действовать как стабилизирующий фактор в регионах, исторически бывших ареной соперничества великих держав.

Члены «триумвирата» активно критикуют модель «безопасности для избранных», исповедуемую НАТО. В.Н. Коньшев и А.А. Сергунин в своих работах считают, что в качестве альтернативы этой теории сформирован принцип «неделимой безопасности», активно продвигаемый Россией и Китаем (Коньшев, Сергунин, 2010). Разделяется странами мирового большинства концепция «общей, комплексной, совместной и устойчивой безопасности», лежащая в основе ШОС. В основе новой архитектуры безопасности лежит идея многосторонности, где решения принимаются с учетом интересов всех, а не диктуются одним блоком. Объективный подход не может не оценить роль форматов БРИКС и ШОС как платформ для диалога по безопасности, альтернативных НАТО-центричной модели, что не может не оказывать влияние на расширение числа государств - сторонников привлекательной модели. И, конечно, особо востребован акцент на борьбе с «тремя

силами зла» (терроризм, сепаратизм, экстремизм) как повестке, объединяющей абсолютно всех субъектов международных правоотношений. Эта практическая, неидеологизированная повестка резко контрастирует с абстрактными лозунгами «защиты демократии», за которыми часто скрываются узкокорыстные интересы.

Лучшим доказательством привлекательности концепции «общей, комплексной, совместной и устойчивой безопасности», а также других краеугольных позиций организации ШОС, является длинная очередь из стран, желающих вступить в этот клуб. От Ирана до Мьянмы, от ОАЭ до Монголии - растущий интерес к ШОС и параллельным структурам свидетельствует о глубоком запросе международного сообщества на альтернативные модели безопасности, основанные на взаимном уважении и прагматизме, а не на идеологическом догматизме и силовом диктате.

МНОГОПОЛЯРНОСТЬ И НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ

Второй по значимости после новой архитектуры международной безопасности становится новая модель межнациональных экономических отношений. Модель, основанная на отказе от незаконных торговых и финансовых ограничений как способов устранения экономических конкурентов и решения политических задач. Модель, исключающая использование валютных инструментов и международных финансовых институтов как оружия в борьбе против неугодных государств. Эта трансформация носит не столько технический, сколько цивилизационный характер, знаменуя переход от экономики доминирования к экономике сотрудничества.

Десятки тысяч ограничительных санкций, введенных странами Запада против Российской Федерации, незаконный захват и удержание финансовых и имущественных активов, принадлежащих нашей стране, стали спусковым механизмом в процессе роста недоверия значительного числа государств к существующей системе экономических, торговых и валютно-финансовых отношений, базирующихся на доминирующей роли в системе международных расчетов американского доллара, а также на созданных Западом и удерживаемым под своим контролем международным финансовым институтам, таким как МВФ, Банк развития, международная межбанковская система передачи финансовой информации (SWIFT). Массовый и произвольный характер применения санкций продемонстрировал, что долларовая система стала не просто инструментом экономического обмена, а механизмом принуждения, угрожающим суверенитету любой страны, не согласной с политикой Вашингтона.

Каждая страна отдает себе отчет, в том, что в случае определенной ситуации, она может быть безнаказанно изолирована и ограблена, причем не на основе норм международного права, а по прихоти мирового гегемона. Эти обстоятельства стали основой для серьезных размышлений в части постепенного отказа от доллара как основной валюты, используемой в качестве средства международных расчетов, поиска более безопасных и эффективных транспортно-логистических маршрутов, формирования новых рынков и создания альтернативных межнациональных финансовых организаций, имеющих обширные полномочия и защищенных от

неблагоприятного воздействия западных стран. Этот процесс, часто сводимый к термину «дедолларизация», на самом деле представляет собой более глубокую «девестернизацию» глобальных экономических связей, их переориентацию на незападные центры роста и альтернативные правила игры.

Невзирая на отчаянный протест Соединенных Штатов Америки, в мире все настойчивее стали говорить о дедолларизации как новом экономическом векторе многополярности. Ускорение этого процесса стало одним из наиболее значимых последствий западных санкций против России, расширения вторичных санкций против ее союзников и партнеров, а также американских тарифных атак практически на весь мир. Санкции, призванные ослабить Россию, закономерным образом стали драйвером формирования параллельной финансовой инфраструктуры, которая в долгосрочной перспективе подрывает основы долларовой гегемонии.

Страны РИК, обладающие крупнейшими резервами золота и стратегических ресурсов, стали активнее развивать механизмы расчётов в национальных валютах. В 2023–2025 гг. Россия и Китай в двусторонней торговле практически полностью перешли на расчёты в рублях и юанях. Индия, сохраняя осторожность в вопросах полного отказа от доллара, всё активнее участвует в экспериментах по использованию своей национальной валюты в торговле с Россией и странами БРИКС. Согласно исследованию Д.А. Дегтерева и А.С. Горда ключевыми проявлениями дедолларизации стали не только расчеты в национальных валютах, но и создание альтернативных финансовых институтов и платежных систем, таких как BRICS Pay, которая к 2025 году была связана уже с 75 странами (Дегтерев, 2024; Горда, 2024). Этот процесс является практическим воплощением более широкой теоретической концепции «финансового суверенитета», которую отстаивают многие экономисты Глобального Юга, выступая против долларовой гегемонии как инструмента неокOLONиализма.

На саммите БРИКС в Йоханнесбурге в 2023 г. и на последующих встречах министров финансов, включая встречу в Казани в 2024 г. обсуждалось создание единой платёжной системы и резервной валюты БРИКС, что со временем может стать альтернативой SWIFT и доминированию доллара. Как отмечают те же авторы, доля доллара в мировых валютных резервах снизилась с 71% в 1999 г. до 58% в 2023 г., в то время как доля валют стран глобального Юга, включая юань и рупию, демонстрирует устойчивый рост. Страны ШОС, где также представлены все три участника треугольника РИК, активно продвигают идею расчётов в национальных валютах в рамках региональной торговли и инвестиций. Этот переход носит постепенный и прагматичный характер, диктуемый не идеологией, а соображениями экономической целесообразности и снижения рисков.

Саммит БРИКС в 2025 году в Рио-де-Жанейро продвинулся еще дальше. Ключевой темой форума стало обсуждение глобального управления в сфере экономики и торговли. Участники саммита по предложению России приняли решение о создании Нового банка развития (банка БРИКС), призванного обойти долларовые заимствования и увеличить оборот местных валют. Как отмечают исследователи И.А.-О. Гулиев, Р.К. Мустафинов, «расширение БРИКС и создание

параллельных финансовых институтов представляет собой системный ответ на кризис доверия к западной модели глобального управления» (Гулиев, Мустафинов, 2015, с. 115). В финансовой сфере будет продолжено развитие системы BRICS Pay как альтернативы SWIFT. На практике доказали свою востребованность и эффективность СПФС (Система передачи финансовых сообщений) - российский национальный аналог SWIFT, обеспечивающая российским банкам обменом финансовыми сообщениями внутри страны и с рядом зарубежных партнёров из стран СНГ и Азии, а также CIPS (Cross-Border Interbank Payment System) - китайская межбанковская система для проведения международных платежей в юанях. Цифровизация финансов становится рычагом, позволяющим преодолеть традиционные барьеры, созданные долларовой системой и создать более гибкую и децентрализованную архитектуру международных расчетов.

По словам Министра финансов Российской Федерации Антона Силуанова, сказанным в июле 2025 года по итогам заседания Годового собрания Совета управляющих НБР и заседания министров финансов и управляющих центральных банков стран БРИКС, на пространстве БРИКС под эгидой Нового банка развития будут предоставляться гарантии по кредитам банков, которые работают в каждой из стран для финансирования крупных инфраструктурных проектов. Россия, Индия и Китай активно продвигают использование цифровых финансовых активов (ЦФА) и цифровых валют в трансграничных расчетах. Это особенно актуально для государств, которые попали под незаконные санкции Запада. Эти инициативы, в свою очередь, усиливают утрату доверия в мировом сообществе к доллару как инструменту геополитического доминирования. По данным МВФ, доля доллара в мировых валютных резервах снизилась с 71% в 1999 г. до 58% в 2023 г., в то время как доля юаня, рубля и рупии постепенно растёт, особенно в рамках Южного полушария и Евразии. Все это не могло пройти мимо внимания 47-го президента США, который в первые же дни своей второй каденции разразился угрозами в отношении стран, намеревающихся искать замену доллару. Следует, однако, заметить, что на фоне десятков иных, так и не реализованных угроз, а также масштабной тарифной войны, развернутой Д. Трампом против всех, и чужих, и своих, устрашающий эффект этих угроз постепенно сходит на нет. Они стремительно теряют убедительность по мере того, как растет количество игроков, обладающих экономическим потенциалом, достаточным для того, чтобы игнорировать эти угрозы без катастрофических последствий для себя.

Параллельно с трансформацией системы международных расчетов происходит радикальная перестройка глобальных логистических маршрутов. Санкционные ограничения на использование традиционных морских и воздушных направлений стимулируют развитие альтернативных транспортных коридоров, в которых ключевую роль играют страны РИК. Наиболее ярким примером является развитие Международного транспортного-логистического коридора «Север-Юг», соединяющего Россию через Иран с Индией. По данным Стапан Н.В., в 2024 году объём перевозок по этому направлению вырос на 19% и составил 26,9 млн тонн, что

подтверждает его растущее стратегическое значение для евразийской логистики (Маслов, 2008). Параллельно развивается «Экономический пояс Шелкового пути», в рамках которого Россия, Китай и Индия участвуют в создании евразийской инфраструктурной сети, включая железнодорожные, энергетические и цифровые коридоры. Эти проекты меняют не просто карту грузопотоков, но и геоэкономическую конфигурацию всего евразийского континента, создавая материальную основу для многополярности в виде сети взаимозависимостей, альтернативных прежним, ориентированным на Запад маршрутам. В итоговом коммюнике по результатам состоявшейся 3 ноября 2025 года 30-й регулярной встречи глав правительств России и Китая говорится о развитии сотрудничества по вопросам Арктики, включая меры по созданию новых полярных судов и технологий, подготовке кадров и увеличению грузопотока по Северному морскому пути.

Важно отметить, что многие проекты реализуются вне рамок западных финансовых институтов – Всемирного банка и МВФ, финансируясь через Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Новый банк развития БРИКС и национальные инвестиционные фонды. Это позволяет странам РИК не только обходить санкционные барьеры, но и формировать собственную экономическую экосистему, устойчивую к внешнему давлению. Создается своего рода «параллельный мир» экономических связей, живущий по собственным правилам и все менее зависимый от политической воли Вашингтона и Брюсселя.

ВЫВОДЫ

Геополитический треугольник Россия–Индия–Китай сегодня уже не просто инструмент регионального сотрудничества, он становится центральным элементом формирующейся многополярной системы. В условиях системного кризиса однополярного порядка и попыток коллективного Запада изолировать Россию, взаимодействие этих стран приобретает стратегический характер, охватывая экономику, логистику и безопасность. Закономерным следствием жизнеспособности избранных тройкой ценностных ориентиров стал уверенный рост количества и расширение состава международных объединений, поддерживающих и развивающих заданный странами – основательницами РИК курс на перестройку современного мироустройства.

Развитие механизмов дедолларизации, создание альтернативных торговых маршрутов и продвижение инклюзивной модели безопасности свидетельствуют о том, что страны РИК не просто реагируют на вызовы, но и активно формируют новую глобальную повестку. Особую значимость приобретает тот факт, что сотрудничество в рамках треугольника строится не на идеологической основе, а на принципах прагматизма и взаимного учета интересов. Успех этого процесса будет зависеть от способности стран треугольника преодолеть внутренние разногласия, что наглядно в последнее время демонстрируют Индия и Китай, и предложить привлекательную альтернативу для других государств Глобального Юга и Востока. Ключевым вызовом остается сохранение баланса между стратегической автономией каждого участника и необходимостью координации действий по ключевым

вопросам мировой политики. Однако, как показала практика последних лет, именно гибкость формата РИК, его способность адаптироваться к меняющимся условиям, становится его главным преимуществом перед ригидными структурами западных альянсов.

Таким образом, геополитический треугольник РИК становится катализатором перехода от конфронтационной модели международных отношений к кооперационной, основанной на равноправии, суверенитете и многосторонности – ключевых принципах устойчивого многополярного миропорядка XXI века. Создаваемая странами РИК архитектура безопасности и экономического взаимодействия направлена не на противодействие кому-либо, а на закрепление инклюзивной модели развития, открытой для всех государств готовых к равноправному диалогу и сотрудничеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аль-Джаноби, М.М., Лукьянов, А.Е. (2021). Современная философия востока: традиции и инновации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*, 25(2), 197-201.
- Бордачев, В.А., Кольга, В.В. (2024). Исследование траектории вывода полезного груза ракетой-носителем тяжёлого класса. *Сибирский аэрокосмический журнал*, 25(1), 68-84. <https://doi.org/10.31772/2712-8970-2024-25-1-68-84>
- Горда, А.С. (2024). Дедолларизация мировой экономики: причины, проявления, последствия. *Научный вестник: финансы, банки, инвестиции*, 1(66), 52-63. <https://doi.org/10.29039/2312-5330-2024-1-52-63>
- Гулиев, И.А.-О., Мустафинов, Р.К. (2015). Обзор прогнозов долгосрочного изменения средневзвешенной цены на нефть. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 7(152), 113-116.
- Дегтерев, Д.А. (2024). Основные виды силы на международной арене: структурная, сила взаимозависимости, «жесткая» и «мягкая». *Россия и мир: научный диалог*, 4, 20-33.
- Иванов, Г.Г. (2025). Двойное контрсдерживание: анализ перспектив создания формализованного ядерного альянса между Китаем и Россией. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2, 39-53. <https://doi.org/10.20542/afij-2025-2-39-53>
- Коньшев, В.Н., Сергунин, А.А. (2024). Военная безопасность в арктике: новые угрозы для России. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*, 16(3), 127-152. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-3-127-152>
- Коньшев, В.Н., Сергунин, А.А. (2010). Современная военная стратегия США: доктринальное и практическое измерения. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 6(3), 133-148.

- Коростелев, С.В. (2016). Эволюция взглядов на обоснование актов применения силы до начала становления современных институтов. *Управленческое консультирование*, 10(94), 34-44.
- Маслов, В.Н. (2008). *Восток-Запад: история и конфликты в современном мире*. Москва: РУДН, 180 с.
- Стапран, Н.В. (2014). Участие России в механизмах многостороннего взаимодействия в восточной Азии. *Вестник МГИМО Университета*, 3(36), 20-26.
- Сюй, Ч. (2023). Стратегический треугольник «Россия-Индия-Китай»: структура и проблемы взаимодействия. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, 15(4), 107-141. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-4-107-141>
- Ikenberry, G. J., Feng, Z., Jisi, W. (2015). *America, China, and the Struggle for World Order: Ideas, Traditions, Historical Legacies, and Global Visions*. Springer, 402 p.
- Kaplan, R.D. (2012). *The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle*. New York: Random House, 432 p.
- Kennedy, P. (1987). *The Rise and Fall of the Great Powers*. Harper Collins, 704 p.
- Mahbubani, K. (2018). *Has the West Lost It? A Provocation*. New Delhi: Allen Lane, 105 p.
- Menon, S. (2021). *India and Asian Geopolitics: The Past, Present*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 406 p.
- Waltz, K.N. (2001). *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis. REV-Revised*. Columbia University Press, 263 p.
- Whitaker, B.E. (2010). Soft Balancing Among Weak States? Evidence from Africa. *International Affairs*, 86(5), 1109-1127.

Для цитирования: Башкин, А.Д. (2026). Геостратегический треугольник Россия-Индия-Китай как драйвер многополярного мироустройства: новые контуры безопасности и экономики. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 6(1), 11-26. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2026.6.1.001>

REFERENCES

- Al-Janabi, M.M. & Lukyanov, A.E. (2021). Modern Eastern Philosophy: Traditions and Innovations. *RUDN Journal of Philosophy*, 25(2), 197-201. (in Russian)
- Bordachev, V.A. & Kolga, V.V. (2024). Study of the Payload Launch Trajectory by a Heavy-Class Launch Vehicle. *Siberian Aerospace Journal*, 25(1), 68-84. <https://doi.org/10.31772/2712-8970-2024-25-1-68-84> (in Russian)
- Gorda, A.S. (2024). De-dollarization of the Global Economy: Causes, Manifestations, Consequences. *Scientific Bulletin: Finance, Banking, Investment*, 1(66), 52-63. <https://doi.org/10.29039/2312-5330-2024-1-52-63> (in Russian)

- Guliyev, I.A.-O. & Mustafinov, R.K. (2015). Review of Long-Term Forecasts of Changes in the Weighted Average Oil Price. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 7(152), 113-116. (in Russian)
- Degterev, D.A. (2024). The Main Types of Power in the International Arena: Structural, Interdependence, "Hard" and "Soft" Power. *Russia and the World: Scientific Dialogue*, 4, 20-33. (in Russian)
- Ivanov, G.G. (2025). Double Counter-Deterrence: An Analysis of the Prospects for Creating a Formalized Nuclear Alliance between China and Russia. *Analysis and Forecast. IMEMO Journal*, 2, 39-53. <https://doi.org/10.20542/afij-2025-2-39-53> (in Russian)
- Konyshev, V.N. & Sergunin, A.A. (2024). Military Security in the Arctic: New Threats to Russia. *Moscow University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics*, 16(3), 127-152. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-3-127-152> (in Russian)
- Konyshev, V.N. & Sergunin, A.A. (2010). Modern US Military Strategy: Doctrinal and Practical Dimensions. *Political Expertise: POLITEX*, 6(3), 133-148. (in Russian)
- Korostelev, S.V. (2016). The Evolution of Views on the Justification of Acts of Force before the Formation of Modern Institutions. *Management Consulting*, 10(94), 34-44. (in Russian)
- Maslov, V.N. (2008). *East-West: History and Conflicts in the Modern World*. Moscow: RUDN University, 180 p. (in Russian)
- Stapran, N.V. (2014). Russia's Participation in Multilateral Interaction Mechanisms in East Asia. *MGIMO Review of International Relations*, 3(36), 20-26. (in Russian)
- Xu, C. (2023). The Russia-India-China Strategic Triangle: Structure and Problems of Interaction. *Moscow University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics*, 15(4), 107-141. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-4-107-141> (in Russian)
- Ikenberry, G. J., Feng, Z. & Jisi, W. (2015). *America, China, and the Struggle for World Order: Ideas, Traditions, Historical Legacies, and Global Visions*. Springer, 402 p.
- Kaplan, R.D. (2012). *The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle*. New York: Random House, 432 p.
- Kennedy, P. (1987). *The Rise and Fall of the Great Powers*. Harper Collins, 704 p.
- Mahbubani, K. (2018). *Has the West Lost It? A Provocation*. New Delhi: Allen Lane, 105 p.
- Menon, S. (2021). *India and Asian Geopolitics: The Past, Present*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 406 p.
- Waltz, K.N. (2001). *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis. REV-Revised*. Columbia University Press, 263 p.
- Whitaker, B.E. (2010). Soft Balancing Among Weak States? Evidence from Africa. *International Affairs*, 86(5), 1109-1127.

For citation: Bashkin, A.D. (2026). The Geostrategic Triangle of Russia-India-China as a Driver of a Multipolar World Order: New Contours of Security and Economy. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 6(1), 11-26. <https://doi.org/10.54398/2713-024X.2026.6.1.001>